

Марк Садовников

Анна Данилова

Подарок от злого сердца

«Автор»

Данилова А.

Подарок от злого сердца / А. Данилова — «Автор», — (Марк Садовников)

Два убийства, разделенные по времени целым годом, но очень схожие по обстоятельствам и антуражу, происходят в ресторане «Риголетто». У следователя Марка Садовникова появляется слабая надежда – возможно, распутав второе убийство, он найдет и преступника, совершившего первое? Ведь год тому назад это ему так и не удалось... Чем глубже «копает» Марк, тем все более странные обстоятельства выясняются. Пожалуй, его любимая жена Рита с ее интуицией окажет ему неоценимую помощь. А в самом конце расследования Марка ожидает большой «сюрприз»...

© Данилова А.

© Автор

Содержание

1	6
2	9
3	11
4	16
5	19
6	22
7	25
8	28
9	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Анна Данилова Подарок от злого сердца

Дорогой милый Миша!

Желаю счастья, мира и
здоровья! А еще — любви —
то самое лучшее в жизни!

Учитесь, познавайте и
используйте возможности в
жизни! И творите сами!

Анна Данилова (франц)

1

2006 г.

Марк несколько раз бывал в этом ресторане, сначала он ужинал там будучи холостяком, теперь – вдвоем с Ритой. Расположенный в самом центре города, ресторан «Риголетто» считался одним из самых модных и престижных мест, где можно было хорошо отдохнуть, послушать живую музыку, спрятаться в задрапированных малиновым бархатом кабинках от всех и вся, хорошо поесть и провести время с женщиной, подальше от любопытных глаз. Четыре кабины имели четыре выхода в узкий полутемный коридор, тянущийся вдоль всего ресторана прямо к специальному выходу, где клиента поджидала его машина. Администратора предупреждали, когда пара хотела покинуть ресторан, и он следил за тем, чтобы клиенты из соседних кабинок не встречались.

Помимо кабинок, имелись два зала – для обычных посетителей и банкетный, с большим стилизованным очагом, напольными канделябрами и стильными витражами. Там обычно назначались деловые переговоры или же проводились пышные корпоративные вечеринки.

Обо все этом Марк Александрович Садовников, старший следователь прокуратуры, узнал во всех подробностях уже в кабинете директора – сорокалетней, подтянутой, с очень строгим лицом женщины по имени Людмила Викторовна. Черный бархатный костюм и белоснежная блузка придавали ее облику некую сдержанность и подчеркивали стройную фигуру. Сейчас же, когда ее ресторан оказался в центре внимания (полчаса назад в подсобном помещении ресторана была убита официантка), Людмила Викторовна заметно нервничала, лицо ее было розовым, а взгляд – растерянным.

– Давайте все по порядку. Эта девушка, официантка, как ее зовут?

– Понимаете, вышла совершенно дурацкая история. Она пришла ко мне еще вчера, плакала, говорила, что ей срочно нужны деньги и она поработает у меня, недолго, пока не найдет что-нибудь более денежное. Говорила что-то о долгах, что она попала в нехорошую историю. Взывала к сочувствию.

– А документы? Она предъявляла вам паспорт, прежде чем устроиться в ваш ресторан? Ведь у вас приличное заведение, – устало проговорил Марк, чувствуя, что ему понадобится много времени для того, чтобы установить личность убитой.

– Нет, она сказала, что принесет свои документы через пару дней, они у ее мужа. Я поняла, что она находится на грани развода, и чисто по-женски решила ей помочь, позволила ей поработать у меня немного и параллельно пройти медосмотр, уладить вопрос с документами. Понимаете, у нас как раз в это время были проблемы с официантками – одна внезапно уволилась и заявила, что выходит замуж, между прочим, за одного из наших постоянных клиентов, другая принесла справку, что она беременна, и срок большой, непонятно только, как мы сами этого не заметили. Вот и получилось, что эта девушка по имени Таня – да, она назвалась Таней – пришла ко мне вовремя, когда так нужны были рабочие руки.

Кабинет директора напоминал уютный винный погребок – с бочонками вина, огромным дубовым столом, темного дерева полками, с мутного стекла зелеными бутылками с вином, и лишь огромная, со стеклянным витражным стеклом лампа, обитое зеленым бархатом кресло и бордовый кожаный диванчик придавали ему вид человеческого жилья.

– Я бы хотел поговорить с персоналом, задать некоторые вопросы.

– Да, конечно. А что с рестораном, я должна его закрыть?

– Девушка убита в подсобном помещении. Не вижу смысла закрывать такой большой ресторан, тем более что через пару часов начнется обед, у вас будет наплыв посетителей. Я и сам, между прочим, не раз бывал у вас. Если вы не хотите, чтобы посетители узнали о том, что

здесь произошло, предупредите ваших людей, чтобы они не суетились возле двери, ведущей в подсобные помещения. А мои люди пока поработают там. Кстати, что это за комната? Такая маленькая...

– Это склад. Да, вы правильно заметили, это маленькая комнатка, там мы храним полотенца, скатерти, салфетки, коробки с новой посудой, с формой для официантов и поваров. И там же стоит контейнер, куда официанты складывают грязные полотенца, скатерти. Может, это не совсем правильно, но контейнер большой, пластмассовый, он стоит в стороне, за дверью.

– Что могла там делать эта девушка, Таня?

– Могла прийти туда с грязной скатертью, к примеру. Или, что не исключено, просто заглянула туда из любопытства – она же работала сегодня первый день. Мой администратор ей показал, конечно, где и что, но, думаю, она не могла запомнить все абсолютно точно. Или, что тоже возможно, она просто перепутала двери и, вместо того чтобы войти в раздевалку, где стоят металлические шкафы с одеждой нашего персонала, вошла в эту комнатку, в помещение склада. Марк Александрович, кого к вам вызвать?

– Сначала всех официантов, а там видно будет.

– Может, вы сначала перекусите? Я распоряжусь, чтобы вам принесли еду прямо сюда, в мой кабинет.

Марк поймал ее взгляд – молящий, испуганный. Она так боялась за репутацию своего ресторана, так хотела помочь, что в какой-то момент ему стало даже ее жаль.

– Я потом пообедаю, – кивнул головой Марк.

Людмила Викторовна вышла из кабинета, он остался один и задумался. Какое странное совпадение... В ресторан устраивается девушка – без документов, просит взять ее, умоляет, намекает на развод, то есть на свое критическое положение, давит на жалость директора. И все это – для того, чтобы в свой первый рабочий день быть застреленной в подсобке. Какая нелепая смерть!

В кабинет вошел Лева Локотков, помощник Марка.

– Ух ты, какая красотища! Я бы тоже не отказался держать такой ресторан. Хорошо быть богатым, а, Марк? Можно ходить по таким ресторанам, есть фазанов, зажаренных на вертеле, куропаток! Это же необычный ресторан, здесь можно и кабанчика жареного попробовать. Цены, конечно, тяжелые, мне не осилить.

– Лева, – Марк кивнул головой в сторону двери, – потише. Будешь хорошо сегодня работать, угостят и тебя куропаткой. Что там?

– Огнестрел. А ты почему ушел-то?

– Не знаю. Как увидел ее, а вокруг, на этих белых полотенцах, скатертях, на белых стенах, столько кровищи! Прямо изрешетили девчонку.

– Может, обслужила не так, как надо? – ухмыльнулся Локотков.

– Лева, да что с тобой сегодня такое? Я тебя не узнаю. Тебе что, совсем не жалко эту девушку?

– Как не жалко?! Очень даже жалко. Вот только никак не пойму, за что ее могли убить?

– Этими вопросами мы и занимаемся, если ты помнишь, всю свою сознательную профессиональную жизнь. За что и кто? Ты скажи нашим людям, чтобы работали тихо, я пообещал директору, что ресторан закрывать не будем. Ты узнал, кого она обслуживала перед смертью, какой столик?

– Да. У нее было два столика, за которыми сидели посетители: второй и пятый. За вторым сидело двое мужчин, постоянные посетители: один управляющий какой-то фирмой, а второй – его зам. Мы их задержали, они сказали, что никогда прежде не видели этой официантки. А за пятым столиком завтракала одна молодая женщина с больным желудком. Она сделала диетический заказ: овсянку, творожную запеканку, яблочный сок, свежавыжатый конечно.

– Она успела поесть?

– Да, успела и ушла.

В дверь постучали. Вернулась Людмила Викторовна. На этот раз она улыбалась.

– Вы знаете, в ее шкафу мы нашли сумочку, а в ней документы! Это администратор нашла, вы извините ее, она, вероятно, не должна была так поступать, но она посмотрела паспорт, водительское удостоверение. Это она, Таня. Только – совсем и не Таня!

Людмила Викторовна протянула Марку большую замшевую коричневую сумку, украшенную сверкающими камнями.

– Между прочим, это очень дорогая сумка, – заметила директорша. – Долларов на триста-четырееста потянет. Я ничего не понимаю! Ко мне приходит женщина, говорит, что ей нужны деньги – якобы она попала в трудное положение, осталась без документов. И вдруг мы находим ее сумку. Там и документы, и кошелек с деньгами, между прочим!

Тут она поняла, что сказала глупость: ее никто не тянул за язык. Она сразу замолчала, охваченная жаром стыда.

Марк открыл сумку, достал документы, просмотрел, затем проверил содержимое кошелька.

– Лева, все это надо бы оформить. Здесь куча денег, паспорт. Одной проблемой меньше. Марк еще раз просмотрел паспорт: Русалкина Марина Анатольевна.

2 2007 г.

– Марк Александрович, я уже не знаю, что и думать. Если тогда убили женщину, не имевшую отношения к нашему ресторану, – я так и не поняла, что это было вообще... То теперь – Тamarочка! Это – наш человек, она очень хорошая девушка. Господи, какой ужас, все повторилось! И там же, и снова – много крови. Да что же это за рок такой навис над нашим рестораном?!

Людмила Викторовна на этот раз встретила Марка как близкого и родного человека. Не спрашивая его, поставила перед ним на стол чашку с горячим кофе, принесла хрустальную пепельницу. Марк машинально отметил, что на директорисе почти такой же бархатный черный костюм, какой был и в прошлом году, только расшитый мерцающими черными и серебристыми стразами. Лицо холеной, ведущей здоровый образ жизни женщины без возраста.

– Успокойтесь, Люда. Вы сказали, что знаете эту девушку?

Марк и на этот раз провел в подсобке всего несколько минут – картина повторилась: те же кровавые декорации и распростертая на полу девушка. На официантке был фирменный костюм; белая блузка и красная короткая юбка с вышивкой: шутовской колпак, и по низу округло выведено золотой ниткой – «Риголетто». Стройные ноги, длинные, тонкие. Белые кудри залиты кровью – убийца выстрелил в голову.

С минуты на минуту должны были прибыть эксперты.

– Конечно, знаю. Это Тамара Карибова, наша официантка. Я бы сказала – лучшая из лучших. С ней всегда было приятно работать. Она такая понятливая, работающая, вежливая, и клиенты относились к ней с уважением, никогда ничего лишнего себе не позволяли, хотя девушка она была красивая, яркая.

Людмила Викторовна достала платок и шумно, не стесняясь, высморкалась. Марк отметил про себя, что в прошлый раз, когда была убита неизвестная ей девушка, она переживала исключительно за репутацию своего ресторана. А теперь ей по-человечески жаль девушку, свою официантку по имени Тамара.

– Вы что-нибудь можете рассказать о ней? Что она была за человек? Замужем или нет?

– Нет. Она вдова. Пару месяцев назад у нее умер муж. Я точно не знаю, кто он. Вы понимаете, если я вам расскажу сейчас о Тамаре, вы будете удивлены так же, как и все мы.

Марк видел, что она колеблется, словно взвешивает, стоит ли ей рассказывать всю правду о своей официантке или нет, не отзовется ли эта информация каким-то негативным образом на ней или ресторане?

– Чем больше мы будем знать об убитой, тем больше шансов, что мы быстрее вычислим убийцу.

– Хорошо. Тогда я расскажу. Понимаете, я сказала, что Тамара – вдова. Так вот... Она была женой мужа той самой девушки, Русалкиной, помните? Ну, той, которую убили у нас в прошлом году. Вот!

Это на самом деле показалось Марку удивительным. Сначала убивают Марину Русалкину, затем ее муж женится на девушке по имени Тамара, которую убивают там же.

– Я сразу женским глазом заметила, что эти две молодые женщины как бы однотипны, понимаете? Длинноногие блондинки. Поэтому, видимо, Русалкин и женился на Тамаре. Но надо рассказать, по-видимому, все по порядку. Дело в том, что Тамара и прежде работала у нас официанткой. В прошлом году. Но потом в ее жизни появился какой-то мужчина, и она уволилась. Так неожиданно... Вроде моей Галки, которая сейчас готовится к свадьбе с нашим клиентом, я вам говорила. Так вот. Ее не было несколько месяцев, и, когда убили Русалкину,

она у нас уже давно не работала. Больше того, я слышала, что она успела перебраться в Москву. Словом, зажила наша Тamarочка совершенно другой жизнью. И когда она вернулась сюда, в Саратов, мы ее не сразу и узнали. Она сильно изменилась. Как говорят сейчас, она сменила имидж. Вместо блондинки мы увидели роскошную рыжеволосую красавицу. Она и так всегда была яркой, но на этот раз ее действительно было не узнать. И макияж, и одежда – что сумочка, что туфельки. Она несколько раз приходила сюда к нам поесть. Мы немного поговорили. Все в ней было хорошо, да только бледная она была и какая-то грустная. Хотя наши девчонки решили, что она нарочно себя так вела, ну, понимаете, строила из себя такую, всем недовольную дамочку. Но я почему-то сразу поняла, что у нее на самом деле были какие-то проблемы. Думаю, она там, в Москве, потеряла свою любовь. Может, ее бросили, может, муж ее погиб. И потом вдруг мы узнаем, что наша Тamarочка вышла замуж за Русалкина! Это очень богатый человек, у него звероводческие фермы и лесное хозяйство. Говорят, что у него были какие-то дела в Якутии – вроде бы у него там друзья на алмазных приисках.

– Но каким же образом она снова оказалась в ресторане? – спросил Марк. – Она что, разорилась после брака со звероводом Русалкиным?

– А вот и нет. Напротив, поскольку у Русалкина с Мариной, его бывшей женой, не было детей, то все, чем владел он и его жена, – а Марина держала парикмахерский салон, – досталось по завещанию Тамаре. Вот и посудите сами: зачем ей, я имею в виду Тамару, богатой женщине, прислуживать в ресторане?

– Не понимаю, – пожал плечами Марк. – А что она сама говорила? Думаю, вы же задавали ей этот вопрос.

– Она всегда уходила от ответа.

– Неужели ей так нравилось работать официанткой?

– Не думаю. У нас бывают разные посетители: и хорошие, и плохие. Нашим официанткам приходится делать над собой усилие, чтобы сдерживаться, когда хочется ответить грубостью на грубость. Люди сюда приходят, к сожалению, не только хорошо поесть, но и выпить. А многие пьют очень много.

– А от чего умер господин Русалкин?

– От сердечного приступа.

– И давно?

– Да нет, пару месяцев назад. Точно сказать не могу. Я еще подумала тогда, что Тamarочка к нам вернулась не ради денег, а для того, чтобы быть среди людей. Знаете: муж умер, она в квартире одна – страшновато. Но в душу к ней лезть я не стала. Я обрадовалась, что она к нам вернулась, да и девчонки, знавшие ее, тоже были рады. У нас вообще хороший коллектив. Я стараюсь не обижать своих работников.

– Люда, за что ее могли убить? Может, у Русалкина все же были наследники?

– Мне об этом ничего не известно. – Директриса развела руками.

– Распорядитесь, чтобы принесли ее личные вещи, – сказал Марк. – Хотя нет, проводите меня туда, я сам осмотрю помещение.

3

2006 г.

Она всегда так. Сначала заказывает простую воду, долго сидит, пьет и думает о чем-то своем. Потом, словно окончательно придя в себя, просит подать ей кофе, а уж потом – салат из морепродуктов. Но это если она одна. Если же она появляется в ресторане со спутником (они довольно часто меняются, но Тамара была уверена, что все они – ее деловые партнеры, ну нет у этой холеной дамочки блеска в глазах, как если бы она находилась рядом с любовником), то заказ напоминает маленькое дорогое пиршество: оленина в вишневом соку, какая-нибудь дикая птичка, французские вина.

Лара, подруга Тамары, шепнула: «Твоя пришла». Тамара выглянула в зал и увидела, что ее постоянная клиентка, женщина из заоконного мира, о котором Тамара знала слишком мало, чтобы понять, откуда берутся такие изысканные женщины и наряды (такой одежды, какую носит эта дама, Тамара не видела ни в одном из самых дорогих магазинов города), уже на своем месте. Сидит со скучающим видом возле окна и ждет, когда к ней подойдут и обслужат.

– Здравствуйте! – Тамара с трудом растянула губы в улыбке и застыла по стойке «смирно» с блокнотом в руках. – Что будем заказывать? Воду, как всегда?

– Нет, милочка. – Женщина повернула к ней лицо, и Тамара увидела, что веки ее тщательно накрашенных глаз припухли, словно она целое утро плакала. Лицо ее было бледным, да и щеки как будто впали. – Водки.

Тамара удивилась. С самого утра – и водку? Она никогда еще не заказывала водку.

– Что из закуски?

– На ваше усмотрение. – И дама снова отвернулась к окну. Витражи окна потускнели – на улице шел дождь. И этот звук, шум дождя, подумала Тамара, словно усиливал и без того скверное настроение клиентки.

«Да она же совсем молодая, надо же... Спрашивается: зачем носить такие наряды, словно желая выглядеть старше? Если ее одеть в джинсы и майку, она мало чем будет отличаться от меня».

Тамара передала повару заказ и отправилась в бар за водкой. Со стыдом вспомнила, как еще недавно, приблизительно пару месяцев назад, она пришла в самый дорогой парикмахерский салон и попросила мастера, молчаливую девицу с умным взглядом, превратить ее в Мерилин Монро. Тамара сказала об этом словно шутя, хотя на самом деле она собиралась походить не на американскую кинозвезду, а на свою любимую посетительницу (вот она точно в свое время старалась быть похожей на Мерилин). Волосы были подстрижены, покрашены, уложены крупными волнами холодным способом.

– Класс! – тихо воскликнула парикмахерша (на ее форменной голубой курточке была приколата табличка с именем: «Катя Березкина»), взглянула на свое творение – аккуратно уложенную и крепко пахнущую лаком головку Тамары. – Вы на самом деле похожи на Мерилин. Вот только надо наложить правильный макияж, нарисовать ляписом родинку. И фигурка у вас что надо! Вы случайно не в Москву, не на конкурс собираетесь?

– Нет, просто надоела коса, да и разнообразия захотелось. Спасибо вам большое. У вас отличный салон.

И тут она увидела ее, свою клиентку. Та выходила откуда-то из недр этого огромного парикмахерского рая, но не с видом клиентки, а словно хозяйка. Ее походка, взгляд, какие-то короткие реплики, которые она бросала налево и направо работающим девушкам... Все свидетельствовало о том, что она здесь не случайный человек, а своя, причем действительно хозяйка.

– Еще одна Мерилин, – не смогла удержаться от комментария Тамара.

– Тс-с, – шепнула ей на ухо Березкина. – Это наша хозяйка, Марина Анатольевна. Но вы правы, в свое время ей тоже захотелось изменить свою внешность, и она предпочла стать роковой блондинкой. Хотя на самом деле она – жгучая брюнетка и вообще вроде бы татарка.

– Она обедает в нашем ресторане. Я – официантка, обслуживаю ее столик, – призналась Тамара, рассчитывая на то, что за этим признанием последует очередная доза информации, касающаяся интересующей ее Марины Анатольевны. Девушка-парикмахер и официантка – они стояли на одной социальной ступени, и в этом случае можно было рассчитывать на понимание.

– Шикарная женщина, – со вздохом произнесла Катя Березкина. – Такие женщины редко обедают дома. Разве что кофе пьют по утрам.

– Она замужем?

– Да. Ее муж – Русалкин, у него под Марксом целое звероводческое хозяйство. Разные шкурки, меха. Небедные люди.

– Понятно.

Тамара хотела спросить, как выглядит Русалкин, чтобы понять, кто же из тех мужчин, с которыми Марина появляется в ресторане, ее муж. Но не посмела. Посчитала, что и так довольно много узнала о своей пассии.

– Спасибо еще раз, вы – потрясающий мастер, – искренне поблагодарила Катю Березкину Тамара.

– Заходите к нам почаще. Вот моя визитка.

Она принесла графинчик с ледяной водкой и классическую закуску, такую, какую обычно заказывают любительницы выпить (а таких в ресторан приходило немало): селедка, маринованные грибы, соленый огурец.

Марина Анатольевна с равнодушным видом смотрела, как Тамара наливает ей в рюмку водку, после чего спокойно опрокинула в себя ее содержимое и от горечи и, быть может, от холода напиток застонала – так тихо, словно заскулила. Сморщилась, замахала руками.

– Может, вам соку принести?

– Нет, ничего не надо, – отмахнулась от нее Марина. – Дайте же спокойно посидеть, подумать...

Тамара с обиженным видом удалилась к себе – в ресторане в такой ранний час посетителей практически не было. Разве что «язвенник», тихий молчаливый человек, директор строительной фирмы, каждое утро заказывающий кашу и минералку. Девчонки почему-то решили, что он холостяк, раз завтракает в ресторане, а не дома. Вечером он приходит поужинать, в основном один, но иногда случается небольшая мужская компания, заказывают много водки, и только этот человек, «язвенник», пьет минералку и ест вареную семгу. Лара считает, что рано или поздно этот «язвенник» непременно окажется за одним столиком еще с одной, не вполне здоровой посетительницей, любительницей творожной запеканки и свежевыжатого яблочного сока, и они поженятся. Будут по утрам пить кефир. Но пока еще они не встретились, ни разу не совпадали.

– Что, водку пьет, что ли? – спросила Лара.

Лара – подруга, душа, ангел. Тамара уже не представляла себе жизни без Лары. Они познакомились пять лет назад, когда Тамара оказалась на улице. Квартирная хозяйка выставила ее за долги, идти было некуда, работу она на тот момент потеряла. И как было не потерять, когда в кафе, куда она устроилась сразу же, как только приехала в город из Вязовки, где прожила всю свою жизнь с бабушкой, ей ясно дали понять, что еще входит в ее обязанности официантки. Она шла по улице, волоча за собой большую дорожную сумку, и рыдала. Отчаянно, громко, и ей тогда было наплевать, смотрит на нее кто-то или нет. Она шла по улице Астра-

ханской по направлению к вокзалу, представляя себе, как садится в автобус и едет обратно, в Вязовку, к бабке. Она мысленно уже успела увидеть красную керамическую миску с горячими блинами, политыми маслом, и чашку с молоком и даже услышать причитания бабушки: «Ну, наконец-то, вернулась, намыкалась, сердешная...» И тут ее кто-то тронул за плечо.

– Ты чего ревешь-то?

Это была Лара. Она возвращалась из университетской библиотеки. В руках – книги. Много книг. Было лето, закатное солнце зацепило оранжевым блеском золоченую оправу ее круглых очков. Лара была очкариком. Но такая милая, нежная, с добрым лицом. А еще – хрупкая, тоненькая.

– Жизнь кончена. Хозяин кафе приставал, потом выгнал за непослушание. Квартирная хозяйка...

– Понятно. Пойдем ко мне. Я тоже снимаю квартиру, здесь недалеко. Если хочешь, поживешь со мной, а как деньги появятся, будем снимать ее вдвоем. Там две комнаты, большая кухня. И вообще – центр рядом, библиотека.

– Ты студентка?

– Нет, в ресторане работаю, официанткой, – покраснела Лара. – Скоро буду снова поступать в университет, на филфак. Уже третий раз.

Но Лара не поступила. Целую ночь проплакала под одеялом – от стыда, как она потом призналась Тамаре. Но потом взяла себя в руки и внушила себе, что жизнь на этом не закончилась, надо продолжать жить дальше. Теперь на ее полке появились философские труды, рядом – Ричард Бах, «Дианетика» и прочие, способные заморочить голову книги. Книжная полка опустела через несколько месяцев, когда Лара познакомилась с парнем, но потом с ним рассталась, неделю приходила в себя, рыдала, и тогда Тамара решила увезти ее в Лазаревское – отдохнуть, сменить обстановку, погреться на солнышке, покупаться в теплом Черном море.

С помощью Лары Тамара устроилась работать в «Риголетто». Жить стало легче, спокойнее, и, главное, теперь у нее была настоящая подруга. Лара приучила ее к чтению, это оказалось довольно увлекательным занятием. Больше всего Ларе нравились романы Жорж Санд, книга же о самой Санд, написанная Андре Моруа, произвела огромное впечатление и на Тамару. Больше всего девушек потрясло то открытие, что, оказывается, жизнь может быть куда насыщеннее и интереснее, чем это может показаться в юности. Жорж Санд, помимо того, что много писала, успевала и сажать цветы в своем саду, и шить платья, и верхом на лошади мчаться на свидание к любовнику. И при этом быть замужем и вести активную «парижскую» жизнь. Потом Лара открыла Тамаре чудесный мир Анжелики – это были несколько томов о жизни прекрасной авантюристки и пылкой любовницы.

– Только никому не говори, что читаешь «Анжелику», – засмеют. Причем смеяться станут те, кто прочел ее от корки, что называется, до корки. Но ты все равно читай и вообще делай то, что тебе нравится.

Но как ни старалась Лара придать романтическую краску их скучной и однообразной жизни, все равно обе понимали (хотя старались об этом и не говорить), что настоящая жизнь, как говорила Лара, «закопная», все равно интереснее, насыщеннее, что это и есть настоящая жизнь. А роль официанток – подать, унести, обслужить.

– Тогда начнется настоящая жизнь, когда мы с тобой будем сидеть в ресторане, а нас будут обслуживать, понимаешь? – с горечью все-таки однажды призналась Лара своей подруге. – Но как этого добиться – я не знаю. Вероятно, у меня не хватает мозгов. Или обаяния. У меня и грудь маленькая.

– А при чем здесь грудь? – удивилась Тамара.

Этот вопрос Лара оставила без ответа.

Конечно, у них случались романы с клиентами. Но, как правило, они заканчивались разочарованием, слезами. Их словно не пускали туда, в «закопный» мир.

... Тамаре сказали, что ее зовут. Марина Русалкина, с блестящими глазами, покрасневшим носом, как человек, находящийся на грани слез, попросила мороженого.

– Крем-брюле. – Она шмыгнула носом.

– Но у нас нет такого. Шесть других сортов есть.

– Нет, мне именно крем-брюле, ну, пожалуйста! Как в детстве. И лимонад «Буратино».

Тамара вдруг вспомнила, где она видела лимонад «Буратино».

– Лимонад принесу.

Она сбегала в гастроном, находящийся на соседней улице, и принесла лимонад. Она знала, что Людмила Викторовна всегда приветствует такую гибкость в своих официантках, способных на все, лишь бы угодить клиентам.

Русалкина пила лимонад жадно, с удовольствием, даже слегка постанывая. Тамара заметила, что она всегда постанывает, будто от боли или приятных ощущений. Видимо, это ее манера выражать свои чувства.

Тамара вернулась к себе, села за столик в подсобке и закурила. Никого рядом не было, и она попробовала застонать от удовольствия, вдыхая и выдыхая дым. Получилось смешно и глупо.

– Ты чего стонешь? Болит что-то? – К ней заглянула Лара. Тамара выронила сигарету.

– Испугала! Нет, просто пытаюсь представить себя на ее месте, – честно призналась подруге Тамара. – Она постоянно стонет: и когда водку пьет горькую, и когда лимонад сладкий.

– Она и в постели стонет, и когда в бане парится. Это ее манера, сущность, распушенность, если хочешь. Оставь ее, чувствую сердцем, от нее надо держаться подальше.

– Ба, Лара, откуда такие мысли?!

– Видишь – напивается. Человек перешел какие-то внутренние грани. А это говорит о многом, понимаешь? Ее фундамент дал трещину. Вот я, к примеру, никогда не стану пить водку. И курить не стану, куда бы меня жизнь ни загнала. И проституткой не стану. И воровать не смогу. И убивать тем более. У меня очень крепкий внутренний стержень. А она, эта Русалкина твоя, треснула, надломилась, распустилась, сорвалась со своей оси, и теперь ее несет.

– Ну, ты даешь, Ларка, я не понимаю. – Тамара была искренне удивлена. – А я-то думала, что только я пытаюсь анатомировать клиенток!

– Что, тоже интересно, чем они живут и как, с кем, о чем думают, чем занимаются, какие проблемы их преодолевают? – весело усмехнулась Ларка. – Согласись, это забавляет.

– Забавляет, это правда.

– Надеюсь, ты не завидуешь ей?

– Завидую, – тихо призналась она. – И тоже хочу вот так пожить, как она. Чтобы меня окружали красивые и богатые мужчины, хочу покупать нарядные платья, ездить на своей машине, путешествовать. Помнишь, какая загорелая она недавно появилась здесь? Явно откуда-то приехала, с каких-нибудь Мальдивов или...

– ...С Карибов, а, Карибова? – И Ларка ткнула ее локтем в бок. – Завидовать нельзя.

– А что тогда можно? Приносить еду и собирать грязные тарелки, это можно?

– Мечтать можно, – серьезно ответила Лара. – Вот мечтать – всегда можно.

И она повторила это на самом деле таким мечтательным тоном, что Тамара подумала: Ларка и сама время от времени уносится в свой мир, в свои фантазии, и что мечтают они, скорее всего, об одном и том же – о любви, семье, благополучии. Для Тамары картинка счастья напоминала рекламную – солнечную, цветную, с просторной кухней и сидящими за столом мужем и детьми, а где-то на втором плане – комнатные растения и зеленый попугай в клетке. Интересно, каким видела свое женское счастье Ларка?

...Марина много и отчаянно пила, почти не притрагиваясь к закуске. Тамара, наблюдая за ней издали, жалела ее и думала о том, как ей помочь. Может, вызвать на откровенный разговор и заставить ее поесть или же сделать проще: позвонить ее мужу, чтобы он приехал за ней?

Но звонка не потребовалось. За ней вскоре приехали. Возможно, муж, но, может, и любовник. Солидный господин в дорогом костюме, с мокрым зонтом в руке. Он расплатился с Тамарой, оставив щедрые чаевые, подхватил Марину под мышки, приподнял и почти вынес из ресторана. Тамара еще долго смотрела им вслед.

Что такое с ней случилось? Может, она разорилась, ее парикмахерская перестала приносить доход?

4

2007 г.

Пистолет обнаружили неподалеку от ресторана, в мусорном контейнере. Марк тщательно упаковал его в пластиковый пакет и сунул в карман.

– Левка, кажется, на этот раз нам с тобой повезло. Все-таки пистолет! Я думаю, что именно выстрелом из него была убита эта несчастная девушка.

Марк расположился за столом хозяйки ресторана с особым комфортом. Мало того, что его накормили, так теперь еще принесли большущий кусок торта и чашку с чаем.

– Я вижу, у тебя хорошее настроение? – Лева кивнул головой на торт.

– Ты не туда смотришь. Видишь – записная книжка. Ее я обнаружил в сумочке Русалкиной.

– Послушай, как-то дико все это звучит. Та женщина носила фамилию Русалкина, а теперь – эта!

– Ничего особенного – у них был один и тот же муж, Русалкин. Так вот. В конверте, как ты видишь, – и Марк ткнул пальцем в заложенную между страницами тонкую пачку конвертов, – письма! Неотправленные письма. И все они, заметь, без адреса. Я взял на себя смелость вскрыть первый конверт и прочел: это любовное послание, не скажу, чтобы интимного свойства, но все равно глубоко личное. Девушка Тамара была влюблена в мужчину по имени Вадим.

Локотков придвинул к себе записную книжку (глянцевая обложка расписана райскими розово-зелеными птицами, книжка почти новая), вытряхнул оттуда конверты.

– Брось, Марк, ты успел вскрыть их все. Все: раз, два, три... семь! И что в них?

– Просьба о встрече, намек на то, что девушка может забеременеть, ей тяжело жить в неведении, она хочет быть уверена в том, что их отношения – серьезные. Словом, обычные письма влюбленной женщины. Причем написаны они в разные периоды их романа (а роман имелся, это чувствуется в письмах, причем он развивался), девушка упоминает о свиданиях: кто что сказал, что она подумала о брошенной им фразе, как восприняла его поступок, и так далее. Мне даже показалось, что парень этот не женат, то есть особой преграды для развития отношений вроде бы не было. Просто ее любовник тянул с предложением, вот девушка и нервничала.

– Кто такой этот Вадим?

– Для начала скажу, что его координаты имеются в записной книжке: записаны аккуратным девичьим почерком. Что же касается подробного рассказа о том, кто он, я надеюсь услышать его от близкой подруги убитой. Она должна вот-вот появиться. После того что произошло с Тамарой, эта девушка упала в обморок, ей пришлось даже вызывать «Скорую помощь». Теперь, как утверждает Людмила Викторовна, ей вроде бы стало полегче, ее в подсобке отпаивают успокоительным чаем.

– А что говорят другие официантки?

– О Тамаре говорят только самое хорошее – честная, порядочная девушка, хорошо работала, ни с кем не конфликтовала. Хотя все в недоумении: зачем ей, богатой вдове, было устраиваться официанткой? Это вообще темное пятно в биографии потерпевшей.

– Но близкая подруга... Она-то, наверное, знает?

– Правду все равно никто не скажет. Но вот скажи ты мне, Локотков: ты стал бы продолжать работать в прокуратуре, да еще и с нашей зарплатой, если бы тебе на голову упало богатство? Стал бы?

– У нее муж умер, – напомнил Лева. – Может, у нее с горя крыша немного поехала, нервы?

– А я думаю, что она кого-то ждала там, понимаешь? Какого-то человека. Возможно, ее мужа убили, и она знала, кто. Вот и устроилась в ресторан, с тем чтобы выследить убийцу и отомстить за смерть мужа.

Локотков неприлично громко расхохотался. Марк смутился.

– Марк, – Лева взял себя в руки, – ты прости, что я заржал, но тебе бы романы криминальные писать!

В дверь постучали. Вошла девушка в стильных очках, худенькая, бледная, с заплаканным лицом. Видно было, что она едва стоит на ногах.

– Вы – Лара? Лара Британ? – спросил Марк, внимательно рассматривая ее. Подумалось почему-то, что у такой яркой девушки, как Тамара, и не могло быть иной подруги – серой, как мышка, тихой, скромной и наверняка преданной.

– Да. Меня зовут Лариса. Но все звали Ларой. И Тома тоже так звала... – Она тихонечко завывала.

– Да вы садитесь. Я понимаю, Тамара была вашей самой близкой подругой, мне ваша хозяйка рассказала, что вы даже квартиру поначалу снимали вместе.

– Да, мы несколько лет прожили с Тамарой под одной крышей. Она была очень хорошим человеком. Настоящим, понимаете?

– Понимаю. Ответьте мне, пожалуйста, на такой вопрос: кому была выгодна смерть Тамары?

– Не знаю. У нее не было завистников. Хотя нет, что я такое говорю! Конечно, после того как она стала богатой, а потом еще и овдовела, то есть стала свободной... Думаю, многие наши девчонки завидовали ей. Но не убивать же за это!

– А клиенты? Может, у нее были конфликты с мужчинами? Может, кто-то к ней приставал, а она резко ответила?

– Какое у вас странное представление об официантках! Чтобы непременно кто-то приставал, назначал свидания, говорил пошлости и глупости... Нет. Ничего такого не было. Тамару знали все наши постоянные клиенты, а случайные, приезжие – таких было мало. У нас дорогое заведение.

– Хорошо. Я вижу, что вы лучше меня знаете, кто и за что мог бы убить вашу подругу.

– Я? Почему вы так решили? – Она вдруг заметно покраснела.

– Вы так легко отмахиваете все возможные мотивы... так может вести себя человек, который что-то знает. Признайтесь, Лариса: вы что-то знаете. Что?

– Я ничего не знаю. А если бы знала, то рассказала бы непременно. Но что? Я не знаю, что произошло. К тому же у меня из головы не идет то, первое убийство. Быть может, кто-то просто убивает всех жен Русалкина? Что еще можно предположить?

Марк вдруг понял, что она не в себе. И что она, как и остальные, в полном недоумении, и ей, возможно, еще понадобится время, чтобы осознать, что ее лучшая подруга погибла. Какие еще жены Русалкина? Это вообще смахивает на бред!

– Хорошо. Успокойтесь. Хотите чаю? Торт?

– Вы что, издеваетесь надо мной? – Эта маленькая и хрупкая Лара Британ бросила на него полный презрения взгляд. И Марк почувствовал в этой девушке силу и какую-то целостность. Промелькнула мысль, что Лара достойна большего, чем быть простой официанткой.

– Извините.

– Это вы можете спокойно сидеть здесь, в комфорте, и попивать чаек! А мне бы и кусок в горло не полез!

– Ладно, говорю же: извините. Ответьте мне тогда на такой вопрос: кто такой Вадим Шаталов?

– Вадим? – Она напряглась и опустила глаза. – А что Вадим?

– Вадим Шаталов. Кто он был для вашей подруги?

– Она любила его, – она сказала это так, словно обронила лишнее слово и теперь не знала, правильно ли сделала, раскрыв чужую тайну.

– Видите ли, вы должны успокоиться. То, что Тамара любила Вадима, я и так знал. Мне по штату положено заниматься расследованием. В мои руки попали ее письма к Вадиму. Неотправленные письма, понимаете?

– Я знаю эти письма. Но не предполагала, что они когда-нибудь окажутся в руках совершенно постороннего человека.

– Вы знакомы с содержанием этих писем?

– Да что вы такое себе позволяете?! – вскричала Лара. – Если вы можете вскрывать и читать...

– Лара, я вижу, разговора у нас с вами не получится. Вы совершенно не владеете собой. А ведь нам надо с вами действовать, понимаете? Вашу подругу убили, и убийца на свободе. Может, вы все-таки скажете, в каких отношениях Тамара была с Вадимом?

– Но если вы читали ее письма, то сами должны понимать.

– А я вот не понял! – Теперь уже и Марк не скрывал своего раздражения.

Локотков взглядом спросил Марка, не лучше ли будет, если он уйдет, и Марк кивнул.

Лара Британ проводила Леву взглядом до самой двери.

– Хорошо. Я скажу. Она любила Вадима. Очень любила! Но он, я думаю, не любил ее. Так, встречался просто. А она была цельным человеком, надеялась, что у них будет все серьезно.

– Лара, вы прекрасно знали вашу подругу. Ответьте мне на вопрос, который мучает всех, кто знал ее, особенно тех, с кем ей приходилось работать здесь, в ресторане. Зачем было ей, богатой женщине, ходить с подносом и обслуживать клиентов? Назовите причину.

– Хорошо. Я назову. Но вы же все равно не поверите!

– И все-таки?

– Она постоянно твердила одно: это все сон. Я проснусь – и снова окажусь в ресторане.

– Я не понимаю.

– Думаю, она воспринимала свой брак с Русалкиным как сон. А когда он умер, она считала, что это она виновата в его смерти. Что и для него она была тоже сном. Слишком уж все стремительно развивалось. Получилось, что он только-только похоронил свою первую жену, как женился на другой. И было много подобных впечатлений. Любовь, страсть... И у нее, и у него. Он не выдержал этой новой жизни. С ним случился инфаркт. А она просто решила вернуться в свою прежнюю жизнь. Тамара, всю свою сознательную жизнь стремящаяся к сытой и спокойной жизни, обретя многое, растерялась, понимаете? Она не успела насладиться своим новым положением, даже деньги не тратила. Как бы зависла в воздухе. Что-то с ней произошло...

– Но что? – Марк начинал терять терпение. – За что ее могли убить и кто?

– Не знаю.

– Хорошо. Тогда спрошу по-другому: вы не в курсе, кто является наследником всего состояния вашей подруги? Ведь у нее, насколько я понял, помимо квартиры, где она жила со своим мужем, Русалкиным, еще и другая недвижимость, деньги, акции звероводческого хозяйства да и само хозяйство. Кому теперь все это достанется?

– Мне, – чуть слышно ответила Лара Британ.

5 2007 г.

Марк возвращался на дачу поздно. Темнели сады, небо – темно-синее, предгрозовое – нависло над поселком, в открытое окно вливался терпкий запах влажных трав, зелени, земли.

Окна большого дома, который несправедливо называли просто дачей, светились оранжевым теплым светом, и там была жизнь, там была Рита, вынашивающая их первенца, там Марка ждали нежность, забота, любовь. А еще – ужин. Рита позвонила ему и сказала, что она испекла пирожки с капустой.

– Марк! – Она кинулась ему на шею, уткнулась носом в его щеку. – Все равно никогда не привыкну к твоей работе. Все понимаю, все! Но ничего поделаться с собой не могу. Мне так хочется, чтобы ты почаще бывал дома!

– Ты скучала?

Она подняла к нему свое розовощекое, счастливое лицо и покачала головой:

– Если честно, то скучать было некогда. Приезжала мама, мы собирали клубнику, засыпали сахаром, варенье варить не стали, решили такую, сахарную, розовую, и оставить, только разложить завтра по банкам.

– Так мама здесь?

– Нет, она уехала домой, но завтра снова приедет. Еще мы с ней пололи морковь, она показывала мне, как сушить укроп, чтобы он был зеленым. Не представляла, что моя мама, городская женщина, так много знает и умеет делать в саду. Да, чуть не забыла, у нас же распустились розы, ну те, белые, помнишь, которые на прошлой неделе были все в бутонах. Марк, это, оказывается, так интересно – просыпаться и видеть, что произошли изменения, на грядках что-то расцвело, подросло. Земля такая черная, а розы такие белые, ослепительные, чистые! Завтра сам увидишь. Сейчас уже поздно любоваться цветами. Ладно, иди в душ, я подогрею тебе бульон. Ты будешь бульон?

– Я буду все. – Он обнял ее и поцеловал. – Рита, я обожаю тебя и готов съесть, даже не снимая с тебя этого домашнего платья.

Ужинали на веранде. Дождь все-таки начался и теперь хлестал по стеклам, стучал где-то высоко, по крыше, барабанил по жести водостоков, шумел в кронах яблоневых и вишневых деревьев.

– Я так понимаю, – говорила Рита, помешивая сахар в мятном чае, – что, если убийства совершены в одном и том же месте, значит, и мотив этих преступлений один. Или мотивы каким-то, пусть и косвенным, образом связаны. К тому же фамилии жертв совпадают. А это всегда интересно.

– И любопытно, так? Рита, ты заинтересовалась этими убийствами, я правильно тебя понял?

– Правильно. Убийства совершаются в ресторане, в подсобке. Девушки – молодые, к тому же обе были в свое время женами человека со странной и какой-то сказочной, андерсеновской фамилией – Русалкин. Кому они помешали? За что были убиты? Знаешь, если бы убили простую официантку, причем единожды, думаю, это тоже было бы любопытное убийство. А так... Вторая жена Русалкина, Тамара, оказывается, была богатой вдовой?

– Да, мы собрали информацию. Она могла бы несколько жизней прожить безбедно. У Русалкина были счета не только в российских банках, но и за границей.

– Марк, а что ты думаешь по поводу наследницы, ее подружки, Британ?

– То и думаю, что слишком уж все явно. Алиби у нее на момент убийства не было, она работала в ресторане, обслуживала клиентов. Да и пистолет могла выбросить тоже она. Да, кстати, именно из этого пистолета, который мы нашли неподалеку от ресторана, в мусорном баке, и была убита Тамара. Но эксперт, проводивший баллистическую экспертизу, предполагает, что выстрелами из него же были совершены еще три убийства: банкира Седова, его родного брата – он же телохранитель – и Мичурина, полковника милиции. Хотя это еще надо доказать. У него, я имею в виду у эксперта, было слишком мало времени, чтобы проверить свои подозрения.

– А что тот парень, Вадим Шаталов?

– Я сам лично допрашивал его. Он все отрицает. Господи, Рита, да я же не рассказал тебе самого главного – на пистолете отпечатки его пальцев!

– Теперь понятно, почему вы не задержали наследницу, Ларису Британ. Убита девушка, пистолет нашли, а на нем – отпечатки пальцев ее любовника. Так что же получается: этот Шаталов и убил еще троих людей?

– Я полагаю, что он простой исполнитель. Мы проверили: Шаталов месяц назад купил себе дорогую машину, правда в кредит. Но машина шикарная. И если учесть, что этот парень нигде не работает и что кредит ему все-таки дали, значит, у него влиятельные покровители, во-первых...

– ... а во-вторых, у него был какой-то источник дохода. Возможно, это киллерские гонорары.

– Я тоже так думаю. Вот только с убийством Тамары все непонятно. Если она так богата, то почему бы перед тем, как ее убить, не вытрясти из нее деньги, бриллианты?

– Может, они действовали в паре с Британ?

– Вряд ли. Если предположить, что Шаталов выполнял заказ Британ, то зачем было убивать прямо в ресторане, в месте, где в это самое время находилась Лариса, у которой, конечно же, не могло быть алиби? Какое алиби, если она постоянно крутилась между залом и подсобными помещениями? Нет, не похоже, чтобы она была заказчицей. К тому же погибшая Тамара любила Вадима. Письма ее тоже пришлось отдать на экспертизу, проверить, действительно ли ее рукой они были написаны.

– Да, кстати, относительно алиби. Где в момент убийства находился Шаталов?

– Он говорит – дома. Что у него болел живот. Представляешь, как все просто?

– Вот именно, просто. Разве ты не понимаешь, что если бы Шаталову понадобилось алиби, то уж он бы постарался как-то обезопасить себя, нашел бы свидетелей.

– Да свидетель-то имеется, только мы его пока не нашли.

– И кто же это? Девушка?

– Нет. Сосед. Доктор. По словам Шаталова, именно к нему он обратился за помощью, когда почувствовал себя плохо, и сосед дал ему имодиум.

– И где сосед?

– Куда-то уехал, во всяком случае, его нет ни дома, ни на работе. Мы наводили о нем справки – это уважаемый человек, терапевт, заведует терапевтическим отделением в городской клинике. Еще преподает в медицинском институте. То есть человек, вполне достойный доверия. Но пойми, Рита, существуют отпечатки пальцев!

– Это прокол. И это необъяснимо. Если он профессиональный киллер, то как он мог выбросить пистолет, зная, что на нем отпечатки его пальцев? Он что, совсем не знает страха и не понимает, что это улики?

– Чертовщина какая-то!

– А что ты думаешь о Британ?

– Она произвела на меня впечатление. Я подумал даже, что она – не на своем месте, понимаешь? Это очень умная и сильная девушка. К тому же я почему-то поверил в искренность ее

чувств. Она в самом деле выглядит как убитая горем подруга. И мне трудно себе представить, что она, эта хрупкая на вид девушка с умными глазами, способна пристрелить свою подругу прямо в ресторане, зная наверняка, что она в первую очередь попадет в круг подозреваемых. Нет, это не она.

– Так, может, ее подставили? И убийство Тамары – способ отправить в тюрьму именно Британ? Может, стоит заняться ее личной жизнью? Ее окружением?

– Возможно. Рита, я съел пятнадцать пирожков, и мне плохо. Вот разговаривал с тобой и ел. Что со мной теперь будет?

– Ничего. Выпьешь еще чаю и отправишься спать. Пирожки маленькие. Это не страшно.

– Рита, а тебе не скучно так жить? Сидишь дома, лепишь пирожки... Выращиваешь розы.

– Нет, Марк. Но в одном ты прав – я и здесь устрою себе небольшую мастерскую, привезу холсты и краски. Когда расцветут розы, обязательно их напишу. И повешу натюрморт прямо здесь, на веранде. Зимой все завалит снегом, а мы будем любоваться нашими, ты понимаешь – нашими розами!

6 2006 г.

На этот раз Марина Русалкина выглядела куда более спокойной и уравновешенной и вместо водки заказала апельсиновый сок и кофе.

Тамара, улыбаясь ей как старой приятельнице, поставила перед ней чашечку.

– Как вас зовут? – спросила Русалкина, с интересом разглядывая официантку.

– Тамара, – счастливым голосом ответила Тамара и почувствовала, что ей стало трудно дышать. Она и поверить не могла, что ее давняя мечта – хотя бы немного приблизиться к этой женщине – исполнится. Вот и сейчас. Она захотела с ней познакомиться! Быть может, ее спутник, который почти на руках унес ее отсюда, пьяную и похожую на перебродивший кисель, рассказал ей о том, как учтива, корректна и вежлива была официантка, обслуживавшая ее столик. Или она вспомнила лимонад «Буратино»?

– А меня – Марина. Послушайте, Тамара. Сейчас утро, я вижу, что посетителей в ресторане почти нет. Прошу вас, выпейте со мной кофе.

– Нет-нет, извините, но у нас нельзя. Меня сразу же уволят.

– А жаль. Хорошо, тогда поступим иначе. Дело в том, что мне просто необходимо с вами поговорить.

Тамара вдруг поняла, о чем будет разговор. Вероятно, ей стало стыдно за свой прошлый визит, и она решила извиниться. Надо же, какая щепетильность! «А Лара говорит, чтобы я держалась от нее подальше...»

– Хорошо.

– Вы можете отпроситься хотя бы на полчаса? Попросите кого-нибудь подменить вас. Скажите, что у вас разболелся зуб или еще что-нибудь. Словом, придумайте причину, чтобы вас отпустили наверняка. Мы поговорим в моей машине, это займет не больше тридцати минут.

Тамара постучала в дверь кабинета Людмилы Викторовны и сказала, что ей нужно отлучиться всего на полчаса. Директриса отпустила ее без вопросов.

– Скажи Ларе, чтобы подменила тебя.

Тамара с бьющимся сердцем вышла из ресторана вместе с Русалкиной. Села в ее роскошный новый автомобиль, на заднее сиденье, рядом с Мариной.

– Скажите, Тамара, сколько вам платят в этом ресторане?

– Какой неожиданный вопрос! Вас интересует оплата вместе с чаевыми или без?

– С чаевыми.

Тамара ответила. В сущности, какой смысл ей было скрывать свое жалование, тем более она понимала, что такие вопросы не задаются просто так, без причины. Вероятно, ей собирались предложить новую работу.

– Что ж, неплохо, конечно, для официантки. Но я хочу предложить вам заработать очень большую сумму, понимаете? Такую, какая вам и не снилась. Пятьдесят тысяч долларов.

– Как это? – растерялась Тамара.

– Понимаю, странно слышать такое от совершенно посторонней женщины. Вы, наверное, хотите спросить, что надо сделать, чтобы получить такую сумму? В принципе вам и делать-то ничего не нужно. Природа сама позаботилась о вас.

Тамара окончательно была сбита с толку. Какая природа? Что она имеет в виду? Может, хочет купить у нее почку? Или какой-то другой орган? И напилась-то потому, что узнала, что серьезно больна?

Мысли завихрились в голове, сплетаясь в клубок. Что же ей такое, скорее всего опасное, невозможное, предложат, что стоит таких бешеных денег?!

– Скажу сразу – это преступление. Но вам надо будет только выдать себя за другую женщину и получить кучу денег в банках. Просто вы похожи на одну женщину, вот и все.

– Это ваша сестра? Ведь я немного похожа на вас, – зачем-то сказала Тамара.

– А это уже вас не касается.

Значит, точно, сестра, решила Тамара и немного приободрилась.

– А что будет, если я попадусь? Меня посадят на двадцать пять лет? – немного нервно спросила она. – Какова доля риска?

– А вы не так глупы. – Русалкина достала сигарету. – Главное – не бояться. И еще – я всегда буду с вами рядом. Это для вашего спокойствия. Поэтому если, как вы говорите, схватят вас, то заодно и меня. И вы можете спокойно им меня сдать.

– Что вы такое говорите?! Зачем вам это?

– А это я к тому говорю, моя дорогая, что я не стала бы ввязываться в такое дело да еще и подключать к таким деньгам совершенно постороннего человека вроде вас, если бы не была уверена в благополучном исходе задуманного. Риск – минимальный. Вам потребуется просто войти в банк, предъявить банковские документы, карточку, к примеру, чек или сберегательную книжку, чтобы получить наличные. Помимо этого, мы с вами постараемся опустошить и кредитные карты, тем более что мне известны все коды. Я вижу, вас разбирает любопытство, вы бы хотели знать, кто эта женщина, которую я попросту хочу сделать нищей? Нет, Тамара, этого я вам никогда не скажу. Вы – простой исполнитель, понимаете? И за свою работу получите неплохие деньги.

– А если вы меня обманете?

– Не обману. А в качестве аванса вы прямо сейчас получите тысячу евро. Обратите: я сейчас тоже рискую, во-первых, предлагая вам это дело, во-вторых, отдавая вам деньги, которые вы можете просто забрать и исчезнуть с ними.

– Я не исчезну. Но ваше предложение... Это опасно! У меня даже живот заболел от страха.

– Пятьдесят тысяч долларов, подумайте! Это огромные деньги. На них вы могли бы купить себе квартиру. Насколько мне известно, сейчас вы снимаете жилье вместе со своей подругой, Ларисой Британ.

А она, оказывается, подготовилась к разговору, навела кое-какие справки.

– Я могу подумать? – спросила Тамара, чувствуя, как от волнения у нее пересохло в горле.

– Нет. Я ведь понимаю – вы сразу же броситесь к своей подруге, чтобы посоветоваться с ней. Но тогда вы все испортите, ясно? И я не могу рисковать. Вы прямо сейчас должны сказать мне: согласны или нет.

– Но я не могу вот так... сразу...

– Хорошо, вот вам еще одна тысяча евро.

С этими словами Русалкина достала из сумочки еще один конверт, раскрыла его и показала деньги.

– У вас там что, филиал банка в сумке? – нахмурилась Тамара. Ей вдруг и в самом деле стало страшно.

– Так вы согласны?

– Я не знаю.

– Тогда так. Верните мне деньги и считайте, что разговора не было.

И Русалкина совершенно неожиданно вышла из машины (она так резко распахнула дверцу, что чуть не оторвала ее!) и выплюнула сигарету, раздавив ее носком туфли.

– Я согласна, – прошептала Тамара, прижимая к разболевшемуся животу конверты с деньгами. – Согласна. И подруге ничего не скажу. Обещаю.

– Вот и хорошо. Умница. Значит, так. Завтра в десять утра за вами заедет мой водитель и привезет вас ко мне на дачу, где мы вас проинструктируем, дадим необходимые документы, и мы сразу же отправимся в город, сначала в один банк, потом – в другой. Скажу еще вот что. Эта женщина подставила меня, понимаете? Из-за нее меня чуть не посадили. Втянула меня в историю с наркотиками. Словом, эти деньги достались ей легко – была одна крупная сделка.

– Меня это не интересует. – Тамара вылезла из машины и на ослабевших ногах подошла к Русалкиной. – Вы знаете мой адрес?

– Разумеется. Ну что, Тамарочка, до встречи?

– До встречи. – И Тамара, развернувшись на каблуках, быстрым шагом направилась к ресторану. И вдруг остановилась, резко обернулась и кинулась к машине.

– Подождите, – с нее градом лил пот. – Вы же не сказали мне самого главного! А подпись?! Как же я буду подписываться под документами? На чеках? Вы что, забыли?

– Господи! Испугала меня. – Русалкина, еще не успевшая сесть в машину, вздохнула и посмотрела на Тамару с видом взрослого и умного человека, вынужденного объяснять ребенку элементарные вещи. – Говорю же. Завтра на даче, когда мы встретимся, тогда и обговорим детали. Заодно поучишься расписываться за нее. У нее очень простая подпись. Даже ребенок сумеет.

Тамара тупо уставилась на нее. Заметила, что ее «работодательница» перешла на «ты», словно, получив согласие Тамары принять участие в афере, изменила свое демократично-вежливое отношение к ней, сменив его на откровенное презрение и высокомерие. И виной всему, конечно же, те деньги, которые теперь жгли, что называется, ее карман и явились гарантией того, что она согласилась на преступление. Да чего же она хочет? Чтобы с ней вели себя как с порядочной и интеллигентной особой? Продажная официантка, потенциальная преступница, жадная до денег, – вот кто она на самом деле. И Лара бы сгорела от стыда, узнав, каким образом она собирается заработать деньги им на квартиру. Вот она бы точно не согласилась на такое, больше того, сделала бы все возможное, чтобы Русалкина пожалела о своем предложении и поняла, что она не на того напала, вернее, не на ту.

Но Лара никогда об этом не узнает. Никогда! А если Русалкина заплатит ей за работу пятьдесят тысяч долларов, то Тамара придумает что-нибудь такое, чтобы подруга ничего не заподозрила.

Вернувшись, она приступила к своим обязанностям, и когда Лара, столкнувшись с ней в дверях кухни, спросила ее, что случилось и куда она уходила, Тамара впервые в жизни солгала ей, сказав, что бегала мерить давление в соседнюю поликлинику, что у нее мухи перед глазами летают.

– Ты переутомилась, Тома, – Лара сочувственно посмотрела на нее. – Кажется даже, что ты чрезмерно бледна. Может, тебе пойти домой и отдохнуть?

– Нет, Лара, все нормально. Да и с чего мне уставать, если ресторан пустой.

Как же ее распирало поделиться тем, что с ней произошло и куда она собиралась ввязаться! Но надо знать Лару, чтобы предугадать ее реакцию: она сразу же посоветует ей отказаться, пока не поздно. А как тут откажешься, раз она взяла деньги? Целых две тысяч евро! Как много проблем они могли бы решить с помощью этих денег! Да хотя бы зимнюю одежду купили бы, ботинки, шубы. Нет, она не имеет права травмировать Лару, пусть все идет как идет.

И что это за роспись такая у этой женщины, если ее может подделать даже ребенок?!

7 2007 г.

Марку повезло – ему удалось найти подругу первой жены Русалкина, Ирину Мартову, и назначить ей встречу. В свое время, когда велось следствие, они так и не увиделись – Ирина отдыхала в Греции и прилетела лишь на похороны подруги.

На этот раз он решил подойти к убийству второй жены зверовода, Тамары Русалкиной, издалека. Он был уверен, что эти два убийства каким-то образом связаны, и, раскрыв второе, он, быть может, узнает и имя убийцы Марины.

«Ирина Мартова» – пометил он в своем блокноте. Как правило, близкие подруги знают куда больше мужей и родственников.

Они встретились в кафе. Ирина Мартова была в розовом брючном костюме и белой газовой косынке. Пол-лица закрывали огромные солнцезащитные очки.

– Я сразу узнала вас, Марк Александрович, – сказала она, первой подходя к Марку. – Вы извините меня за то, что у меня скрыто практически все лицо, но после того, как умерла Мариночка и ее косметический салон приказал долго жить (его перекупили какие-то варвары!), приходится пользоваться услугами сомнительных косметологов. Вот и напоролась. Представляете себе...

– Постойте, но у Русалкиной был, кажется, парикмахерский, а не косметический салон?

– Правильно. Но это сначала. А потом она выкупила соседнее помещение и устроила там косметический кабинет, пригласила опытных специалистов, закупила дорогостоящее оборудование, препараты. А эта коза сожгла мне все щеки! – вдруг взвизгнула она, срывая с себя очки и демонстрируя ошарашенному Марку ярко-красное, словно без кожи, лицо.

– Ужас! – Марк не поверил своим глазам. – Надеюсь, вы подали в суд?!

– Разумеется. Но что мне это даст? Представляете, сколько понадобится времени и средств, чтобы восстановить испорченную кожу?!

– Ирина, извините, но у меня мало времени. Давайте сядем, закажем кофе или сок, по вашему желанию, и поговорим о вашей подруге Марине.

– Хорошо. Тогда я буду сок. Виноградный.

К ним подошел официант, Марк сделал заказ.

– Я знаю, почему вы захотели со мной встретиться. Слышала, что произошло там, в «Риголетто». Ужасная история! И, главное, эту несчастную девушку убили там же, в той же самой комнатке! Знаете, я скажу сразу – мне жаль Тамару. Конечно, она в какой-то степени оказалась соперницей Мариночки, но, с другой стороны, какая же она соперница, если Марина уже умерла? Жизнь продолжается, и я понимаю Сашу. Столько убиваться по жене... Мы, я имею в виду всех, кто знал эту семью, видели, как тяжело он переживает смерть Мариночки. Мы даже боялись, как бы он с собой что-нибудь не сделал. Поэтому, когда на горизонте появилась симпатичная, миленькая Тамара, мы с облегчением вздохнули: пусть себе потешится. Он заслужил любовь, уважительное к себе отношение.

– Ирина, скажите, в каких отношениях были Марина и Русалкин?

Ирина вытаращила на него глаза:

– Вы что же, не слышите, что я говорю?! Они любили друг друга! Он чуть с ума не сошел, когда она умерла, а вы спрашиваете, как они относились друг к другу!

– Возможно, – мягко произнес Марк. – Но нам известно, что и у мужа, и у жены были связи на стороне.

– А... Вот вы о чем. Так кто ж без греха? Подумаешь! Все это было несерьезно. Ну, освежили люди свои чувства! Сейчас так все живут. Вы имеете в виду Андрея, что ли?

– Хотя бы его. Окружение Русалкиных считает, что и у них тоже была любовь, что Марина любила этого мужчину, собиралась бросить мужа.

– Может, и была любовь. Но, скорее всего, влюбленность, – рассеянно бросила Ирина. – Да, она была им сильно увлечена.

– А Русалкин знал?

– Да, знал. Они скандалили, он даже поднял на Мариночку руку.

– Он угрожал ей?

– Что вы, что вы?! Нет, никогда! Но какому же мужчине понравится, когда его жена гуляет?

– Ирина, вы крайне непоследовательны в своем рассказе о Марине, – еще мягче, почти нежно, чтобы не спугнуть и не смутить важную свидетельницу, заметил Марк. – Сначала вы говорите, что Русалкины были идеальной парой, потом оказывается, что каждый из них мог упрекнуть друг друга в неверности. Мое представление о любви строится на других принципах.

– Да, я понимаю. Но не могу я осуждать Марину, понимаете? Сашка был по горло в делах, он и дома-то почти не бывал. Она всегда одна. А ведь красивая и молодая женщина. Вот и подпустила к себе Андрея. Я сама помогала им устраивать свидания, каюсь.

Марк вдруг поймал себя на том, что движется по второму кругу, что, не разгадав прошлогоднее убийство в «Риголетто», он пытается заняться этим убийством вновь и использует для этого смерть несчастной официантки. Что это, шанс? А почему бы и нет?!

– Хорошо. Оставим эту тему. Ирина, так случилось, что в прошлый раз мне не удалось поговорить с вами о Марине. Вы ведь знаете, что ее убили в ресторане, причем на ней была форма официантки, и хозяйка ресторана утверждала, что приняла эту женщину как бы на испытательный срок, просто сжалилась над ней, попыталась войти в ее положение. Словом, Ирина, получается вот что: владелица известного и дорогого в городе парикмахерского салона устроилась официанткой исключительно для того, чтобы заработать немного денег. Вы что-нибудь понимаете? У вас были какие-то мысли на этот счет? Или, быть может, у ваших общих знакомых?

– Мы все сломали головы, – развела руками Мартова. – Никто ничего не понял. В тот момент, когда ее убили, ее финансовые дела были в полном порядке, салон процветал. Да и у Русалкина тоже все было в ажуре. Получается – какой-то маскарад? Мы даже думали, может, она на спор устроилась официанткой?

– А что, это на нее было похоже?

– Нет. В том-то и дело, что нет. И я не могу представить себе такой спор. Чтобы Марина, такая гордая и принципиальная, носила подносы с тарелками и разливала водку пьяным посетителям? Нет, что-то здесь не так!

– А заставить ее не могли?

– Марину? Нет, что вы! Это совершенно исключено. Если бы она, предположим, вляпалась в какую-нибудь историю, то, что бы с ней ни произошло, она все могла бы решить деньгами.

– Тем не менее она была убита в ресторане.

– Так, может, ее просто перепутали с официанткой? – вдруг осенило Ирину. – А что, очень даже может быть!

– Возможно. Да только никаких доказательств у нас нет. И не находите ли вы странным, что официантку застрелили как раз в тот день, когда на ее месте оказалась именно Марина?

– Вы хотите сказать, что она кого-то сменила?

– Нет, это я так выразился.

– Но вы же не могли не заметить, что Тамара немного похожа на Марину... Я имею в виду – тип, цвет волос, фигуру.

– Может, это и так. Да только убийца, если бы хотел убить тогда, в прошлом году, именно Тамару, должен был знать, что она в ресторане уже несколько недель не работала. Вот и получается, что убили того, кого и хотели.

– Да уж! Ну и история! Вам, Марк Александрович, не позавидуешь.

– А что вы знаете о Тамаре? Вы были знакомы с ней лично?

– Ну уж нет. После смерти Марины прошло слишком мало времени, чтобы я так быстро могла бы привыкнуть к мысли, что ее заменила другая. Но кое-что, конечно, знаю. Во-первых, она, выходя замуж за Русалкина, была далеко не бедной. Кроме того, она к тому времени стала практически москвичкой! Ведь у нее же в Москве собственная квартира. Поэтому презирать девушку за то, что она вышла замуж за Русалкина исключительно из-за денег, я не могу. Мне рассказывали, что, когда она приехала в Саратов из Москвы, никто и не понял, что она – это она. Понимаете, «Риголетто» – это то место, где мы иногда собирались всей компанией. И я помню Тамару именно как официантку. Она и тогда была яркой, всегда подтянутой, проворной, какой-то даже стильной, изысканной. А тут она появилась в другом облике. Словно решив порвать со своим прошлым, перекрасилась в радикальный рыжий цвет, сделала строгое каре. Рыжие всегда нравились Саше. Вот он и клюнул на нее. Просто запал, как говорится. А потом и женился. Завещание составил на жену, благо... тьфу, не благо, конечно, словом, наследников-то все равно не было.

Марк достал блокнот и записал: «Москва».

– Какая странная история, – протянула Ирина задумчиво. – Две состоятельные женщины были убиты в форме официанток! Да вам памятник надо будет поставить, если вы распутаете это дело.

– Вот насчет памятника вы явно поторопились, – пробормотал Марк, допивая остывший кофе. – Спасибо, Ирина. Если что-нибудь вспомните относительно Марины или Тамары – звоните. Вот моя визитка.

– Подождите, Марк Александрович. А это правда, что ваша жена – известная художница Маргарита Орлова?

8 2006 г.

Если бы не пленка, не пакет с фотографиями, можно было бы представить себе, что этого человека здесь и не было. А все, что он рассказывал, – ночные страхи, кошмары. Но вот же он, этот пакет, эти снимки, эта пленка. И куда от них деться? Спрятаться под одеяло и зажмуриться?

Она снова включила запись. Разговаривали двое:

«– На ней будут только очки.

– Не понял.

– Ты не знаешь, что такое очки?

– Нет, что такое очки, я знаю. Голой, что ли, будет?

– Да! Хотя, может, наденет шляпу, такую большую, широкополую, чтобы лицо не загорело.

– Мне как – войти в дом?

– Нет. Пойми, моя жена будет принимать воздушные ванны. Она всегда, когда приезжает на дачу, принимает воздушные ванны. Она считает, что это очень полезно. Так вот, там, на даче, есть терраса. Марина сначала будет прохаживаться по ней, чтобы ее обдувало. Ха-ха-ха! Ну а потом разляжется в соломенном кресле, может, даже уснет.

– И когда мне...

– Когда-когда! Подойди к процессу творчески. Хорошо бы, конечно, чтобы наверняка. Как я понимаю, техника у тебя аховая. Это тебе не оптический прицел! Поэтому, если тебе повезет и она уснет, смело подходи прямо к ней и... пах! Все. Целься в голову, в висок. Послушай, идиот, тебе не кажется, что я вообще не должен инструктировать тебя в таких деталях? Ты, помнится, сам напросился, это тебе деньги нужны, вот и работай! Мне главное, чтобы наверняка, понимаешь?

– В висок?

– А я вижу, ты нервный парень. Да ты не дрожи, это в первый раз страшно, так люди говорят, а потом ничего, привыкнешь. Ну должен же кто-то уметь делать эту грязную работу?»

Марина выключила магнитофон и подошла к зеркалу. Подумалось, что вот сейчас она – живая и здоровая. Разве что кожа в некоторых местах шелушится и кое-где – псориазные струпья. А уже завтра, быть может, все изменится, и ее тело, сейчас такое теплое, нежное, превратится в кусок холодного мяса.

Она так много думала о своем новом положении брошенной жены, так долго анализировала всю их семейную жизнь с Сашей, что теперь, когда ее жизни грозила реальная угроза, вдруг поняла, что совершенно не знала своего мужа. Даже не предполагала, что он может потерять голову настолько. Подумаешь, появилась какая-то шлюха, точно это в первый раз! Зачем избавляться от жены? Чья это блажь? Ее? Или же он сам решил, что в его новой жизни нет места бывшей жене? Или...

Последняя причина, из-за которой Русалкин мог опуститься до такого глубокого предательства, – деньги. Если развод подразумевает дележ, то в случае смерти жены все останется мужу. Какая гадость!

Она ждала от себя слез, истерики, даже потери сознания, но почему-то, получив неопровержимые доказательства того, что муж собирается убить ее с помощью какого-то доморощенного киллера, ей стало как-то не по себе и даже скучно. Понятное дело, она сделает все, чтобы предотвратить это убийство. Но почему она так спокойна? Почему не звонит в милицию и не показывает все то, что успел наработать за последние два месяца нанятый ею частный детек-

тив? На фотографиях пышным цветом цветет пошловатый, но бурный роман. Они везде вместе. Вероятно, она, эта рыжая тварь, работает где-то рядом с ним или даже в его офисе. И в машине вместе, и квартиру он ей снял на набережной. Ну что мешало ему просто поговорить со своей женой и объяснить все как есть? Что, мол, он любит другую, хочет на ней жениться, надо бы все обдумать, поделить, чтобы никому не было обидно. Хотя он мог разозлиться, когда узнал о существовании Андрея. И о том, что в Турцию она ездила не одна, а с ним. И что машину ему подарила...

Мысли текли лениво, вяло, хотелось проснуться и увидеть себя в чистой и просторной, залитой солнцем комнате, полной цветов, книг, и чтобы непременно звучала музыка... Но вместо этого ей приходилось довольствоваться грубой и опасной для жизни реальностью и перебирать в руках грязные снимки. И комната показалась ей мрачной, и некогда изысканные, палевые шторы Марина восприняла как слишком вульгарные, и цветок на подоконнике засох... Кто бы полил – а у нее нет никакого настроения.

Надо было что-то делать, предпринимать, каким-то образом избавиться от возможности получить пулю и заодно наказать Русалкина, даже посмеяться над ним. А если получится – испугать его. Или тоже убить?

А может, все не так? Может, они говорили вовсе не о том, чтобы убить ее на террасе собственной дачи, где она будет принимать воздушные и солнечные ванны? Именно – солнечные, идиоты!!!

Она набрала номер мужа.

– Саша? Привет, это я. – Голос даже не дрожал, она говорила с ним так, словно услышанный ею и записанный на пленку разговор не имеет к мужу никакого отношения. – Знаешь, что-то я себя неважно чувствую. Наверное, я не смогу поехать на дачу. Отлежусь дома. Что? Ты уже настроился? (Пистолет, что ли, зарядил, сукин сын?!) Говорю же, нездоровится. Что-то с желудком. Подарок? Интересно! Что-то давно ты мне не делал никаких подарков. Да и вообще, Сашенька, что-то мы в последнее время отделились друг от друга.

Ей было говорить легко потому, что она не видела его. Она и про убийство бы ему рассказала, если бы сквозь толщу бесполезных дежурных фраз не услышала одно слово, слегка приведшее ее в чувство.

– Что ты сказал? Повтори. Ты сказал – подарок в несколько карат? (Что, мерзавец, нынче в каратах измеряется сама смерть?) Да ты, никак, хочешь подарить мне бриллианты? Хорошо, я приеду.

Она отключила телефон и с грустью посмотрела в окно. Там, за стеклом, была жизнь – полнокровная, шумная, с деревьями, небом, птицами, детьми, женщинами и мужчинами, обедами и семейными завтраками, ссорами и любовью. А ее заманивают на дачу бриллиантами, чтобы убить. Она вдруг с ужасом вспомнила слова мужа о том, чтобы нанятый им бездельник целился ей в висок. Можно себе представить, сколько будет крови на веранде – или на террасе?! Хотя какая теперь разница? Главное, что мраморные плиты пола будут залиты кровью, а стена – забрызгана мозгами, ее мозгами. Действительно, к чему женщине мозги?

И вдруг она закричала. Так громко, отчаянно и страшно, что на какой-то миг даже словно оглохла. Она не понимала, что с ней и почему она кричит. Слово ее зарыли живьем в землю, закопали, не соизволив выяснить – а вдруг она еще жива? И что теперь? Кричи не кричи, тебя все равно никто не услышит. Потому что это – деревенское кладбище, и вокруг одна только мертвенная тишина.

Ладно. Все. С криком она словно выплеснула из себя весь ужас, скопившийся внутри ее вместе со страхом смерти. Все, все, все. Надо бы успокоиться. Выйти из дома. Подышать свежим воздухом.

Марина долго стояла перед зеркалом, смазывая струпья мазью и мысленно отмечая, где произошли улучшения, а где появились новые розовые пятна. В сущности, всегда думала она,

если мужчина любит, то он и не заметит этих красных пятен. Конечно, выглядит это ужасно, особенно в самый разгар, когда она особенно нервничает и тело отвечает новыми болезненными образованиями. Но в темноте же все равно не видно. Андрей, к примеру, относится к этому спокойно. Но целовать, понятное дело, эти болячки – не целует. Да и вообще, кто знает, о чем он думает, когда видит ее пятна, может, даже боится заразиться, хотя это не заразное.

Она тщательно оделась, причесалась, подкрасила губы и вышла из дома. В гараже вдруг вспомнила какие-то детали разговора мужа с киллером и почувствовала дурноту.

Надо жить, надо жить! Как хочешь, но выбирайся из этого сволочного положения и живи назло всем. Думай, голова, думай!

Она села в машину и, уронив голову на руль, разрыдалась.

9 2007 г.

Марк пригласил родного брата Александра Русалкина в прокуратуру. Может, он знает что-то о семье близкого родственника. Так случилось, что и его на момент, когда шло расследование первого убийства – Марины Русалкиной, – в городе не было, он отдыхал с семьей на Байкале.

Одно дело поговорить с кем-то, кто хорошо знал жену, то есть с Ириной Мартовой, представить себе семейную жизнь Русалкиных с позиции женщины, и другое – с противоположной стороны.

Валерий Русалкин, высокий, представительный и румяный мужчина в сером костюме и голубой рубашке, выглядел озабоченным. Он и представления не имел, зачем его вызвали в прокуратуру.

Марк представился.

– Валерий Викторович, я пригласил вас сюда, чтобы поговорить о вашем брате, Александре Викторовиче.

– Но он умер совсем недавно.

– Понимаете, в чем дело: он умер, но перед этим успел жениться во второй раз на женщине по имени Тамара. Тамара Карибова.

– И что?

И тут Марк понял, что Русалкин не знает о том, что погибла его родственница, жена родного брата. Это показалось ему удивительным. Хотя прошли всего лишь сутки со дня убийства Тамары.

– Скажите, что вы думаете по поводу этого брака? Не кажется ли вам, что ваш брат поспешил? Или, напротив, вы в глубине души одобрили этот союз?

Судя по тому, как изменилось лицо Русалкина, Марк понял, что этот человек, собираясь в прокуратуру, меньше всего надеялся услышать подобные вопросы. Возможно, у него по какой-то другой части рыльце в пуху, и он решил, что именно из-за этого его вызвали в такую серьезную контору. А теперь он воспринимал вопросы Марка с выражением великого облегчения.

– Союз? Брак? Конечно, то, что произошло в семье моего брата... – начал он вначале как-то неуверенно, но потом словно оживляясь, приходя окончательно в чувство. – Сначала погибла Марина. Причем погибла как-то нелепо, думаю, вы знаете.

– Знаю, – коротко ответил Марк, не желая перебивать готового к долгой и обстоятельной беседе Русалкина.

– Я лично до сих пор не могу понять, что она делала в ресторане, да еще и в этой одежде. Меня-то здесь не было, обо всем я узнал потом от самого Саши и наших родственников, от общих знакомых. Дичайшая история! Мы все ждали какого-то развития, то есть я хотел сказать – результатов расследования, но ничего так и не удалось установить.

– К сожалению, это так.

– Вы бы видели, что стало с Сашей! Он совсем почернел. Стал нервным, словом, мы перестали его узнавать. Между нами, у него на тот момент была одна женщина, кажется даже, это было серьезно и он собирался разводиться с Мариной, но, когда Мариночки не стало, он бросил ее.

– Подождите, вы сказали, что они собирались разводиться, но почему же не развелись?

– Я знаю только, что после того, как они договорились о разводе, – а я чувствую, что разговор был не из легких, – Саше стало плохо с сердцем, но потом его отпустило. Он про-

лежал в больнице всего несколько дней, я навещал его. А Марина не приходила, потому что, оказывается, она тоже слегла, у нее на нервной почве воспалился желчный пузырь. И ее мне тоже пришлось провести в больнице. Ей предлагали операцию, но она боялась. А когда Саша поправился, я подумал – может, они передумают разводиться.

– Понятно. Но, судя по документам, Марину убили, когда она была еще женой Русалкина. То есть ее смерть в какой-то мере развязала ему руки. Вы сказали, что у него на тот момент была женщина. Как ее звали?

– Я не помню точно ее имя. Оно необычное, не запоминающееся. Подождите... Кажется, Ванда. Так вот, она, я слышал, не растерялась, когда Русалкин дал ей отставку, и как-то очень быстро вышла замуж за другого мужчину... А Саша... Саша все хандрил, попивал, это факт. Но дела свои, слава богу, не забросил, много работал, даже спал иногда в своем кабинете, домой-то было идти не к кому. И вдруг – эта Тамара! Приехала из Москвы. Я-то знаю, что она была официанткой здесь у нас, в «Риголетто», она слишком яркая девушка, чтобы ее не запомнить. Знаете, она как Мерилин Монро. Марина тоже была красивая, но, если посмотреть на нее мужским взглядом, суховатая, что ли. И телом, и характером. А вот Тамара – сама женственность! Все говорили, что у нее в Москве появился какой-то богатый ухажер, который купил ей квартиру! Никто не знает толком, что произошло у нее там, в Москве, но, вероятно, она сожгла все мосты перед тем, как все бросить и вернуться домой. Думаю, она сдала свою квартиру и вернулась зализывать раны. Может, ее новый любовник изменил ей. Словом, когда они повстречались с Сашей, то уже больше не расставались. И он, вообще-то склонный к женщинам, к романтическим отношениям, как в прошлый раз, так и в этот потерял голову. Но это, повторяю, было ему свойственно. И что еще удивительно – там, в Москве, Тамара сильно изменилась. Думаю, у нее появилась возможность, и она отдала себя в руки какому-нибудь известному стилисту. Потому что она настолько преобразилась, причем в лучшую сторону, что не влюбиться в нее было просто невозможно. Белая кожа, ярко-рыжие блестящие волосы, белозубая улыбка, макияж. Она словно сошла с обложки глянцевого журнала, как говорят в таких случаях. Я думаю, что Саша с ее помощью решил просто начать новую жизнь. Он так мечтал о детях... У Мариночки-то не могло быть детей. Но вот не успел. Умер. Думаю, его сердце не выдержало и смерти Марины, и этого нового брака, новых отношений. Знаю только, что, хоть они и прожили мало, несколько месяцев, он был счастлив, это могут подтвердить все, кто его знал.

– А что вы знаете о материальной стороне этого брака?

– Понимаю. Да. Они составили брачный контракт. Понимаете, оба настрадались, как видно, в своих прошлых браках, связях и решили каким-то образом обезопаситься. Вернее, она решила, Тамара. Ей было важно, чтобы ее не бросили. К тому же, со слов Саши, она особенно-то и не стремилась к этому браку, говорила, что «наелась» мужчинами и их обещаниями, что больше никому не верит. И что если Саше так уж нужен этот брак и он хочет, чтобы она поверила ему, то в случае его измены все должно достаться ей. Он подписал это не глядя. И завещание тоже, само собой, было составлено в ее пользу. Он знал, что не изменит ей, во всяком случае, тогда он был в этом уверен. Что же касается завещания, то какая ему была разница, что станет с его деньгами и недвижимостью после его смерти? Конечно, он все оставил ей. А Тамара, между прочим, оказалась хорошей женой. Она никогда не давала ему повода для ревности. Всегда была рядом или ждала его дома. И желания как-то реализоваться самой, пойти учиться, к примеру, или открыть свое дело, как это было с Мариной, у нее тоже не было. Ей вполне хватало домашних обязанностей, и делала она все с удовольствием. Знаете, она производила впечатление женщины, которая успокоилась, нашла свое семейное счастье. Думаю, если бы Саша не умер, у них были бы дети, потому что как женщина, это тоже со слов Саши, она была абсолютно здоровой.

– А как она повела себя после смерти мужа? – осторожно спросил Марк, понимая, что ведет себя, как свинья, что так нельзя – потрошить человека, расспрашивая его об умершем человеке, словно он еще жив.

– Она удивила всех! Оставаясь одной из самых состоятельных женщин нашего города – ведь мой брат, помимо того, что занимался разведением нутрий, владел и акциями алмазодобывающих предприятий в Якутии, – так вот, Тамара вдруг вернулась в ресторан. В «Риголетто», представляете? Официанткой!!! Нет, она не отказалась ни от денег, ни от недвижимости, ни от акций. Я знаю, женщина она аккуратная, поэтому и документы у нее наверняка все в порядке. Но после смерти Саши с ней что-то произошло, раз она поступила таким образом. Хотя мы – я имею в виду близких семье брата людей – уверены, что это временное явление, просто женщине необходимо было прийти в себя.

– Валерий Викторович, я должен извиниться перед вами. – Марк даже встал и прошелся по кабинету. – Понимаю, что действовал недопустимыми методами, но, думаю, вы простите меня, когда поймете, что все это я проделал исключительно с одной-единственной целью – найти убийцу. В этом случае иногда приходится действовать гибко.

– Я не понимаю. – Словоохотливый Валерий Русалкин тоже привстал, и лицо его выражало все тот же испуг, с которым он переступил порог кабинета следователя прокуратуры: а не сказал ли он что-то лишнее?

– Дело в том, что вчера Тамару застрелили. Там же. Как и Марину. Сначала я не знал, что вам об этом неизвестно, но когда понял, воспользовался вашим желанием рассказать мне о семье вашего брата. Извините меня.

– Тамара? Ее застрелили?! Когда?! Вчера?! Господи, меня не было в городе, я ездил на объект, смотрел, как идет строительство фермы...

У Марка мелькнула мысль, что он словно оправдывается: мол, меня здесь не было, только не подумайте на меня! И тогда его не было – он находился на Байкале, а проверить это было сложно, поскольку он ездил туда на машине. Да, в сущности, никто этим вопросом всерьез и не занимался – слишком уж хлопотное дело связываться с коллегами из того населенного пункта, где останавливался Валерий Русалкин с семьей. Хотя если он был действительно там, то наверняка есть фотографии или даже видео, где можно увидеть дату съемки. Нет, нет, он ни при чем. Простое совпадение. Да и зачем ему было убивать этих двух женщин? Хотя почему двух – ведь они были убиты выстрелами из разных пистолетов. Результаты экспертизы пришли только сегодня утром. Значит ли это, что убийца Марины и убийца Тамары – разные люди? Или кому-то выгодно, чтобы в органах именно так и думали?

– Тамару убили? И кто же? – Русалкин вытаращил глаза, и Марк подумал, что они у него какие-то рачьи, слишком уж выпуклые, и что стали они такими лишь после того, как он узнал о смерти Карибовой. Он действительно выглядит, как человек, которого потрясло известие о смерти другого, быть может, даже симпатичного ему человека. А вдруг они были в связи?

– В каких отношениях вы были с Тамарой?

Русалкин поднял на него свои рачьи глаза.

– В прекрасных! – воскликнул он с жаром. – Тамара... да вы не представляете себе, какой души это был человек! Даже моя жена, а у нее на все свой критичный взгляд, считала ее порядочным человеком. Тамара, став богатой вдовой, и нас не обидела, перевела на мой счет целых двадцать тысяч долларов! Хотя мы ее ни о чем не просили, просто она сама знала, что мы затеяли ремонт, и у меня на работе полный завал. Знаете, я все говорю вам честно, как есть, и постоянно ловлю себя на мысли, что уже потом, когда все мною сказано, когда слово вылетело как воробей и его не поймашь, быть может, я даю повод подозревать и себя! Ведь когда убили Марину, я был на Байкале, так? И вы можете подумать, что я лгу, что это я убил Марину. Но я действительно был на Байкале, и у меня есть доказательства.

Марк был потрясен такой откровенностью. Надо же, он словно прочел его мысли!

– Да я ничего такого и не думал, – солгал он, чтобы немного успокоить его.

– И вот – снова убийство, и меня опять нет в городе. Но вы можете послать своих друзей в Маркс, и вам подтвердят, что мы с моим инженером были там, произвели проверку всех строящихся объектов. А если быть до конца точным, то мы просто-напросто ремонтируем старые коровники. Это из экономии, и я не думаю, что это какое-то преступление. Ведь для новых надо делать проект, а это дорого, услуги архитектора стоят... просто разорение! А так – мы делаем полезное дело, восстанавливаем старые фермы. Точнее, мы строим рядом с ними новые, но выдаем их за восстановленные.

– Успокойтесь, меня ваши строительные дела не интересуют.

– А еще мы там обедали прямо в поле, была куриная лапша и картошка с малосольными огурцами, – не унимался разволновавшийся Русалкин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.